О БАЛТИЙСКИХ СЛЕДАХ В ТОПОНИМИКЕ РУССКИХ ТЕРРИТОРИЙ

В. Н. ТОПОРОВ

Около шестидесяти лет тому назад появилась статья А. А. Кочубинского „Территория доисторической Литвы" (Журнал Министерства Народного Просвещения, Часть 309, 1897 год, № 1, стр. 60-94), в которой впервые была сделана серьезная попытка определить балтийские элементы в топонимических названиях на территориях, лежащих к востоку и юго-востоку от современной Литвы. А. А. Кочубинскому удалось вскрыть весьма солидный балтийский слой в местных названиях Минской, Витебской, Могилевской и (лишь в виде исключений) Смоленской губерний. Указанная статья положила начало целому ряду попыток дальнейшего выявления балтийских топонимов в восточном направлении.

Прежде всего следует отметить чрезвычайно ценные исследования литовского лингвиста К. Буги, посвященные восточно-славянской топонимике балтийского происхождения[1]. Ему удалось собрать более 150 примеров такого рода, что намного превышает материалы его предшественников. Кроме того, лингвистическая интерпретация этих примеров и их доказательная сила более убедительны, чем у А. А. Кочубинского, хотя и в работах К. Буги немало сомнительных или просто ошибочных примеров (**Гривка, Клѣтка, Метелка, Неропля, Нератовка, Перелом, Переволока, Полова, Струпица** и др.), причем вопрос о критериях различения балтийских топонимов от старых славянских не всегда занимает должное место. А это особенно удивительно, если вспомнить, что именно К. Буга очень удачно определил основные элементы славянской речи того периода, когда славяне вошли в контакт с балтами, финнами, со старым населением Балкан и предальпийских территорий. Важно отметить, что поисковая область литовского ученого в основном ограничивалась теми же территориями, которые исследовал и А. А. Кочубинский, с тем отличием, что несколько более полно были использованы данные по топонимике Смоленской губернии.

Еще дальше на восток искали следов балтийской топонимики А. Л. По-

---

[1] См. K. Būga, Aistiškos kilmės Gudijos vietovardžiai. „Tauta ir Žodis" **1**, Kaunas, 1923, стр. 20—44; его же, Upių vardų studijos ir aisčių bei slavėnų senovė, Там же, **1**, стр. 1—20; его же, Die Vorgeschichte der Aistischen (Baltischen) Stämme im Lichte der Ortsnamenforschung, Streitberg-Festgabe, Leipzig, 1924, стр. 22—35 (литовский вариант — Aisčių praeitis vietų vardų šviesoje) и др.

годин, считавший, что восточная граница распространения балтийского элемента проходила в Тамбовской и Пензенской губерниях, где он смешивался с финно-угорским и, видимо, даже с иранским элементами[2]; А. И. Соболевский, не приведший, правда, нового топонимического материала[3]; М. Фасмер, собравший наиболее надежный (хотя и небольшой) материал, относящийся к топонимике Смоленской, Тверской, Калужской, Московской, Черниговской и Орловской губерний[4].

За последнюю четверть века интерес к этой проблеме явно снизился; новые работы появляются крайне редко и, как правило, касаются частностей[5]. Внимание ученых переместилось в более западные области, где ищут следов балтийской топонимии на территории Польши[6] или устанавливают связи балтийской гидронимии с „центрально-европейской".[7] Признавая первостепенное значение подобных исследований, всё-таки нельзя признать

---

[2] См. А. Л. Погодин, Из истории славянских передвижений, СПб, 1901, стр. 92-93.

[3] См. А. И. Соболевский, Где жила Литва?,—Известия Императорской Академии Наук за 1911 год, стр, 1051-1054.

[4] См. M. Vasmer, Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas, **1.** — Die Ostgrenze der baltischen Stämme, SPAW, Phil.-hist. Klasse, XXIV, Berlin, 1932.

[5] См. E. Blesse, Beiträge zur Namenforschung, **4,** 1953, стр. 289-291 (о названиях **Гжати и Бологого;** статья оказалась нам недоступной); P. Arumaa, Die ostslavische Gewässernamen mit l-epentheticum. Festschrift M.Vasmer, Wiesbaden, 1956. стр. 47-60 (здесь содержится и балтийский материал). Факты, собранные в книге Т. Лер-Сплавинского „O pochodzeniu i praojczyźnie Słowian", Poznań, 1946 (см. § 15. D. Nazwy Bałtyckie, (стр. 65-67, см. также стр. 175-177), традиционны. В посмертно опубликованном исследовании Я. Розвадовского, Studia nad nazwami wód słowiańskich, Kraków, 1948, балтийские гидронимы, также обычно традиционные, рассматриваются не с той точки зрения, о которой здесь идет речь.

[6] См. В. Н. Топоров, Две заметки из области балтийской топонимии. — Сборник в честь акад. Я. М. Эндзелина, Рига, 1959 (здесь же приведена литература вопроса).

[7] См. H. Krahe, Illyrica, IV-V, IF,49, 1931, стр. 267-274 (V. Baltisch und Illyrisch, стр. 271-274); его же, Baltische Ortsnamen westlich der Weichsel, Alt-Preußen, **8,** 1943, стр. 43—44; его же, Beiträge zur alteuropäischen Flußnamenforschung, Würzburger Jahrbuch, **1,** 1946, стр. 79—97; его же, Alteuropäische Flußnamen, BzNf, **1,** 1949—1950, стр. 24—51, 247—266; **2,** 1950—1951, стр. 113—131, 217—237; **3,** 1951—1952, стр. 1—18, 153—170, 225—243; **4,** 1953, стр. 37—53, 105—122, 234—243; его же, Sprache und Vorzeit. Europäische Vorgeschichte nach dem Zeugnis der Sprache, Heidelberg, 1954. (особенно 15. Das Verhältnis des Illyrischen zum Baltischen und Slavischen, стр. 108—114); его же, Die Sprache der Illyrier, 1 Teil: Die Quellen, Wiesbaden, 1955; его же, Zu einzelnen illyrischen Eigennamen, BzNf, **6** 1955, стр. 237—243; **7,** 1956, стр. 217—224; его же, Balto-Illyrica. Festschrift M.Vasmer, стр. 245—252; его же, Fluß- (und Orts-) Namen auf -mana/ **-mina**, BzNf, **8,** 1957, стр. 1—27; его же, Bemerkungen zu alten Gewässernamen, BzNf, **8,** 1957, стр. 144—148; и др.; K. Kasparsons, Illyrica. — Filologu Biedrības Raksti, **18,** 1938, стр. 52—65; **19,** 1939, стр.57—74; **20,** 1940, стр. 188—204; G. Allesio, Un' oasi linguistica preindoeuropea nella regione baltica. Studi Etruschi, 19, 1946, стр. 141—176; R. Schmittlein, Notes de toponymie lituanienne, AASF, **51,** 1941, стр. 59—60; его же, Études sur la nationalité des Aestii, **1,** Toponymie lituanienne. 1948; его же, Sur quelques toponymes lituaniens, ZfNf, **14,** стр. 233—248; **15,** стр. 51—71, 152—179; его же, The confluence Balto-Romane? Mélanges de linguistique et de littérature romanes, **2,** 1953, стр. 251—267 и др.

оправданным забвение круга вопросов, поставленных К. Бугой и М. Фасмером; тем более, что эти вопросы далеки от их полного решения и нередко освещаются с совершенно различных точек зрения.

В этой статье—насколько позволяет ее объем—хотелось бы указать на наиболее важные, по нашему мнению, проблемы, которые стоят сегодня перед исследователем балтийской топонимии на территории России, и высказать некоторые предварительные соображения, сопроводив их несколькими новыми объяснениями.

Одной из существенных задач является установление границ балтийской топонимики на территории России. Интересно, что именно ее восточная граница остается наиболее неопределенной и расплывчатой, тогда как южная граница весьма четко проходит по Припяти (топонимика ятвяжского типа)[8], западная также не вызывает сколько-нибудь серьезных сомнений (в данном случае не принимаются во внимание „центрально-европейские" связи); что же касается северной границы балтийской топонимики, то, по сути дела, ее определение не составляет проблему, поскольку, очевидно, что балтийские племена никогда не находились севернее тех мест, где они живут теперь. Вопрос о восточных границах балтийской топонимики был поставлен лишь М. Фасмером, который и попытался определить их в самом общем виде. Однако фактически нет оснований говорить о реальной границе, отделяющей балтийскую топонимику от финской, иранской, славянской. И дело здесь не только в том, что даже в пределах распространения балтийских следов постоянно встречаются древние топонимы не-балтийского типа. Может быть, более существенным является тот факт, что и за пределами восточной границы, намеченной М. Фасмером, обнаруживается топонимические названия, которые подавляющим большинством ученых, относятся к балтийским (ср., например, **Цна**—левый приток Оки; **Цна**—левый приток Мокши[9] и т.д.)[10]. Если верно мнение Э. Блесе о балтийском происхождении названия **Бологое** (балт.* **bal-g-,** подвергшееся затем переосмыслению в духе народной этимологии), то и оно заставляет нас выйти за пределы, намеченные М. Фасмером.

Но даже если исключить подобные названия из числа балтийских (видимо, именно таким образом и следует понимать игнорирование их М. Фасмером, который в других случаях всегда специально оговаривает сомнительные примеры), то восточная граница балтийской топонимики всё-таки останется слишком приблизительной. В частности, это объясняется

---

[8] См. K. Būga, Upių vardų studijos...; его же, Jotvingių Žemės upių vardų galūnė-**da**. — „Tauta ir Žodis", **1**, стр. 100. Некоторые разногласия вызывают лишь небольшой участок юго-западной границы, однако, как правило, они основаны не на разной интерпретации топонимических фактов, а на разном понимании некоторых исторических данных.

[9] Ср. также **Цна-** правый приток Тверцы.

[10] Стóит указать на интересное наблюдение А. Л. Погодина: в бассейне Припяти есть реки **Цна** и **Шацка**, с другой стороны, на **Цне**, притоке Мокши, стоит город **Шацк** (ср. название реки **Шать, Шат** - правый приток Упы), указ. соч., стр. 92. Со своей стороны, укажем на реку **Šãtė** в Кретингском и Мажяйкяйском районах Литвы.

тем, что немецкий ученый, будучи крайне осторожным в своих наблюдениях и выводах, указал лишь некоторые наиболее достоверные (можно даже сказать, бесспорные) ориентиры в виде топонимических названий и этим существенно ограничил свою задачу, о которой нам известно из названия его работы. Слишком малое количество топонимов (23 надежных случая в Тверской, Московской, Калужской, Орловской и Черниговской губерниях; 19 гидронимов из Смоленской губернии приходится оставить в стороне, поскольку они не являются крайними восточными примерами) на столь обширных территориях не позволяет определить какие-либо детали восточной границы балтийской топонимики.

Тем не менее, уже сейчас, по-видимому, есть некоторые основания для уточнения отдельных участков этой границы или, по крайней мере, проясняются отдельные приемы, которые в ближайшем будущем смогли бы привести к установлению более точных границ. В частности, спорный вопрос о балтийских топонимических следах в южной и даже в юго-восточной частях Московской области и в восточной части Тульской мог бы получить некоторое новое освещение при учете бесспорных следов балтийской топонимики за пределом указанных районов. Эти следы, — будем ли мы брать их весьма широко, проигрывая при этом в строгости, или, наоборот, очень узко, но зато без риска ошибиться, — с несомненностью, показывают, что севернее подлежащего исключению спорного района граница балтийской топонимики идет с северо-запада на юго-восток. Столь же бесспорно, что к югу от указанного района граница идет с северо-востока на юго-запад. Естественное продолжение этих двух контуров образовывало бы нечто вроде клина на восток, приходящегося как раз на спорный в отношении наличия в нем балтийских следов район. Более сложно было бы допустить, что в указанных частях Московской и Тульской областей до того довольно постоянно ориентированная граница резко изменяет свое направление и с юга и с севера. Разумеется, что приведенные основания шатки (и, между прочим, потому, что вопрос о границах должен быть связан с хронологической характеристикой), но они в известной степени могли бы получить подтверждение в тех примерах из спорного района, которые многими признаются балтийскими; в меньшей последовательности финской топонимики в указанном месте по сравнению с территорией, лежащей к северу от Москвы, но на тех же долготах; в целом ряде топонимов, содержащих этнические названия финских племен (**Мокша, Мордвес** и т.д.), что является негативным аргументом в пользу границы данной языковой территории (ср. название с корнем ***slov-**: ***slav-** или ***ven-**: ***vent-**: ***vend-** на окраинах славянского мира).

Другой важной задачей исследования балтийских следов в русской топонимике является выявление по возможности всех примеров балтийского типа. Нужно думать, что, если оставаться на том же уровне доказательности, как К. Буга, то количество примеров могло бы быть, вероятно, увеличено на весьма значительное число.

Уже сейчас можно указать некоторые новые примеры балтийской то-

понимики на русских землях. Так, в названии реки **Гжать** (правый приток Вазузы) следует, по нашему мнению, видеть известный балтийский корень, содержащийся в прусском **gudde** „кустарник", „лес" (и, как думают некоторые, „болото"), в литовских словах **gùdkarklis, gùdnotrėlė, gùdobelė** и др., а также в большом количестве топонимических названий, Пруссии, Литвы и Латвии[11]. В этом случае **Гжать** <***Gъž-atь** <***gudi̯-āti-** и находит ближайшую аналогию в названиях **Gdańsk(o)** <***Gъd-anьsk-** <***gud-ān-isk-** и **Gdynia** <***Gъd-ynja** <***gud-ūnjā** на другом конце балтийского мира[12]. Впрочем, возможно (хотя и с меньшей вероятностью) и другое объяснение, ср. стр. 63 этой статьи.

Название левого притока Угры **Гордоты** заставляет вспомнить многочисленные балтийские топонимы с корнем **gard-**, некоторые образцы которых на славянской территории уже отмечались (см. **Gardeji̯ki**). Предположение о балтийском происхождении **Гордоты** станет особенно вероятным, если учесть явно балтийскую топонимику этого района и обратить внимание на суффикс. Соображение подобного рода заставляет видеть балтийский элемент и в названии правого притока Вазузы **Салита** и в притоке Ржати **Чичате** (есть и одноименное озеро). Заслуживает внимания проверка с балтийской точки зрения таких гидронимов, как **Лобь** (в северо-западном углу Московской области; ср. прусское озеро **Lobyn,** литовскую реку **Lobinis** от лит. **lóbas** „русло", „углубление"), **Держа** (в Ржевском районе; ср. лит. **diržùs, diržingas** „вязкий"), **Лусянка** (правый приток Москвы к западу от Можайска; здесь же деревня **Лусось**)[13], может быть, **Смедва** (правый приток Оки, ср. лит. **Smaid-riai,** прусск. **Smedeyn, Smedythen, Smydyn, Smaydegarbs** и т.д.) и др. Более полно и подробно балтийские элементы в русской топонимике будут исследованы нами в другом месте.

Лишь составление достаточно подробной карты балтийских топонимов на русских территориях помогло бы осуществить дифференцированный подход к фактам, собранным с огромных территорий Белоруссии, западной и отчасти центральной России. Во всяком случае, анализ помог бы выделить хотя бы доминирующие словообразовательные модели внутри всего этого пространства. В свою очередь это (как и чисто лексические данные) позволило бы поставить еще один чрезвычайно существенный вопрос о диалектной принадлежности балтийской топонимики указанных областей, которая по традиции многими считается литовской или (шире) восточно-балтийской.

По нашему глубокому убеждению, основанному не только на изучении топонимики, но и на ряде соображений более общего характера (дан-

[11] См. G. Gerullis, Die altpreußischen Ortsnamen, Berlin-Leipzig, 1922, стр. 47, 87, 95; И. Я. Спрогис, Географический Словарь древней Жомойтской земли 16 столетия, Вильна, 1888, стр 86; J. Endzelīns, Latvijas PSR vietvārdi, Rīgā, 1956, стр. 336-337 и др.

[12] В отношении этимологии названий **Гданьска** и **Гдыни** мы солидаризируемся с взглядами Я. Эндзелина и Э. Френкеля (см. Die baltischen Sprachen, Heidelberg, 1950, стр. 63-66) и отвергаем точку зрения, видящую здесь название готов (Э. Херманн, Р. Экблом и др.)

[13] См. G. Gerullis, Указ. соч., стр. 91—93; ср. также многочисленную восточнобалтийскую топонимику с этим же корнем.

ные по древне-балтийской диалектологии, отсутствие так называемых переходных славяно-восточно-балтийских говоров, четкость известных балто-славянских границ, некоторые данные о хронологии славянских заимствований в литовском и латышском языках[14] и т.д.), балтийская топонимика рассматриваемых областей относится скорее к западно-балтийским диалектам, чем к восточно-балтийским (разумеется, всё это верно лишь в том случае, когда между двумя ветвями балтийских диалектов существует различие). В известной степени в пользу такого предположения могли бы говорить летописные данные о галиндах (голядь) и топонимические примеры, содержащие корень ***galind-.** Однако после критического разбора М. Фасмером уже упоминавшейся работы А. И. Соболевского такие аргументы были бы слишком неубедителными. Поэтому лучше избрать другой путь — исключительно лингвистический.

Одним из наиболее убедительных аргументов в пользу западно-балтийской принадлежности топонимов рассматриваемой территории являются названия, содержащие в себе элемент со значением ,,река''. Как известно, восточно-балтийские диалекты в отношении фонетического вида корня этого слова противостоят западно-балтийским: лит. **ùpė**, лтш. **upe**: прусск. **ape** (отмечено в Эльбингском Словаре, 62 и в целом ряде топонимических названий прусской территории). Слово **ape** скрывается в названии правого притока Волги **Жукопы**, заставляющем предполагать балт. **žukape** ,,рыбная река'' (характерно, что и первая часть этого слова ведет нас в прусскую область, ср. прусск. **suckis** ,,рыба'' при лит. **žuvìs**, лтш. **zuvs, zivs**[15]. Это же слово входит в состав названия реки **Ужепа**, протекающей в Юхновском районе Смоленской области (**е** вместо **о** из ***а** объясняется воздействием звука **ž**[16]). Наконец, название правого притока верхнего течения Днепра-**Вопи**, хотя и может теоретически отражать как **ape**, так и **upė**, более вероятно предполагает прусское слово[17]. По ряду соображений мы не причисляем сюда же **Нероплю**, в названии которой Я. Розвадовский видит указанное прусское слово[18]. Серьезные трудности вызывает интерпретация названия наиболее значительной реки, содержащего корень со значением ,,вода''. Мы имеем здесь в виду **Упу** (ср. её

[14] Помимо старых работ, ср. новые исследования В. Кипарского, в которых особую роль играют вопросы хронологии: Chronologie des relations slavobaltiques et slavofinnoises, RÉSL, **24**, 1948, стр. 29 — 47; The Earliest Contacts of the Russian with the Finns and Balts. — Oxford Slavonic Papers, **3**, 1952, стр. 67 — 79; Ein angeblich altrussisches Lehnwort im Litauischen. — Studi baltici, **9**, 1952, стр. 238 — 243; Sur la chronologie de quelques altérations phonétiques en slave. — Scando-Slavica, **1**, 1954, стр. 19 — 21; О хронологии славяно-финских лексических отношений. — Scando-Slavica, **4** 1958, стр. 127 — 136 и др.

[15] Что же касается элемента **žuk-** в таких литовских словах, как **žukmistras, žuksparnis, žuklỹs,** то здесь, видимо, приходится думать о заимствовании или об очень редком диалектном примере.

[16] См. M. Vasmer. Указ. соч., стр. 22. Любопытно, что и в этом слове первая часть этимологизируется лучше всего прусскими средствами.

[17] Так думают М. Фасмер, указ. соч., стр. 23 и Т. Лер-Сплавинский, указ. соч., стр. 65 (явно ошибочна этимология Е. Ф. Карского:к **вопить**).

[18] J. Rozwadowski, Указ. соч., стр.9.

приток **Уперта**, обычно игнорируемый исследователями, а также не совсем ясные названия рек того же района **Выпря**, **Выпрейка**, ср. название литовского озера **Ūpartas** в Зарасайском районе?). М. Фасмер и некоторые другие ученые выражали сомнение в традиционном сопоставлении с лит. **ùpė**, лтш. **upe** из-за фонетических причин (из указанных восточнобалтийских слов получилось бы ***Vopь**; с другой стороны, трудно думать об очень позднем заимствовании русскими этого названия; во всяком случае, исторические данные о колонизации славянскими племенами этих земель стояли бы в противоречии с хронологией известных фонетических процессов). Правда, в последнее время Т. Лер-Сплавинский снова вернулся к старому объяснению (указ. соч., стр. 65, 176), ссылаясь на подмеченный Н. С. Трубецким (ZfslPh. 14, 1937, стр. 353-354) переход **v** — в **u̯**- (перед согласным) в говорах этих мест. Однако некоторые хронологические соображения не позволяют нам считать вопрос о происхождении названия **Упы** окончательно решенным. Точно так же представляется рискованным утверждение о том, что название реки **Каспля** в Смоленской области содержит в себе элемент **ùpė**>***ъpė**.

Другим важным топонимическим типом, обнаруживающим западнобалтийское происхождение, являются такие названия, как **Панея** (река в Бежецком районе), **Поня** (в Калужской области), может быть, некоторые гидронимы Днепровского бассейна, подвергшиеся переосмыслению и суффиксальным изменениям: **Паника, Паник, Паниква** и т. д. [19]. В этих названиях несомненно скрывается тот же корень, что и в прусском слове **pannean „mosebruch“** (Эльбингский Словарь, 288), сравниваемый с готским **fani** „грязь“, др.-сакс. **feni** „болото“, др.-инд. **paṅka** „грязь“, „болото“, др.-ирл. **an** „вода“ и т. д. [20]. В восточно-балтийских диалектах соответствующее слово или полностью отсутствует, или является ятвяжским заимствованием (ср. лит. диал. **paniabùdė** „род гриба, растущего на болотах и в других сырых местах“[21]. Интересно, что в качестве топонима этот корень встречается только в области распространения западно-балтийских диалектов- ср. **Panyen** в орденских документах за 1267 год, польское название притока Кирсны (тоже западно-балтийский гидроним) — **Ponie** из ятвяжского ***Panja̯ā** и т. д.

Одним из наиболее убедительных аргументов в пользу наличия на территории западной России гидронимов западно-балтийского типа являются никем пока не отмеченные названия **Стабна** (**Стабенка**) — правый приток Днепра в районе Смоленска, **Стабня**-левый приток Днепра, **Стабница**-правый приток Бродни (приток Березины справа)[22]. В них мы видим

---

[19] См. П. Маштаков, Список рек Днепровского бассейна, СПб, 1913, стр. 5, 31, 206, 215, 228.

[20] См. также иллир. **Pannonia.**

[21] См. K. Būga, Kann man Keltenspuren auf baltischem Gebiet nachweisen ? — Rocznik Slawistyczny, **6**, 1913, стр. 37; Aistiškos kilmės Gudijos vietovardžiai, стр. 35—36. Трудно сказать что-либо определенное о единичном лтш. **pane.**

[22] См. П. Маштаков, Указ. соч., стр. 3, 29, 97; И. Орловский, Краткая география Смоленской губернии, Смоленск, 1908, стр. 21.

балтийский корень **stab-**, который только в западно-балтийской области сохранил значение „камень" (ср. прусск. **stabis**. Эльбингский Словарь, 32) и только здесь употребляется в качестве топонима (ср. **Stabaras, Stabayen, Stabegode, Stabelauken** (в лит. есть **Stablaukis**), **Stabelow, Stabingen, Stabynotilte, Stabuniten**[23]). Характерно, что ряд прусских названий, как и прусский аппеллятив **stabni-**,,печь" (из ***stabinē**), непосредственно указывают на форму, которая легла в основу приведенных выше гидронимов Смоленской области: ***Stab-in-ā**>***Stabьna**>**Стабна**.

Более спорно свидетельство таких топонимических названий, как **Съжа**, теперь **Сож** (левый приток Днепра), находящих соответствие из всех балтийских языков лишь в прусском **suge** ,,дождь" (если это слово сравнивать, как делалось раньше с др.-в.-нем **sûgan** и т. д.[24]); или **Лукты** — деревня в Дорогобужском районе, название которой скорее согласуется с прусским **Lukte**, чем с литовским **Lukštas** или латышским **Lukste**[25], и др.

Несомненно, что дальнейшие исследования помогут выявить новые западно-балтийские элементы в русской топонимике.

Последний вопрос, на котором хотелось бы остановить внимание, касается хронологии заимствования русскими балтийских топонимических названий. Наличие дублетов типа **Лучеса-Лукеса**, полногласных форм наряду с неполногласными, примеров с тавтосиллабическими носовыми согласными и с нормальными восточно-славянскими рефлексами сочетаний ,,гласный+носовой согласный", а также ситуации, позволяющие проверить отражение **ū**; **k'** и **g'**; **tj** и **dj** и т.д. в заимствованных славянами балтийских названиях, дают возможность осуществить хотя бы предварительную хронологическую дифференциацию указанных топонимов. Кроме того, эти явления могут быть некоторыми вехами, по которым мы судим о фонетической картине языка славян того периода, когда они встретились с балтийскими племенами на территории Белоруссии и западной России. Суть этой картины заключается в том, что еще существовали дифтонги и дифтонгические сочетания с носовыми согласными; сочетания типа **tort** и **tj**, **dj** оставались нетронутыми; **ū** еще не перешло в **y**. Всё это легко проверяется на балтийских топонимических заимствованиях у славян.

Такое состояние в эволюции славянской фонологической системы, предельно близкое к балтийскому, как и тот факт, что огромная часть балтийского и славянского корнеслова совпадает, значительно затрудняет выяснение всех следов балтийской топонимики на русских территориях

---

[23] См. G. Gerullis, Die altpreußischen Ortsnamen, стр. 171—172. Ср. также В. Н. Топоров, указ. статья (о топонимах с корнем **stab-** и об отношении их к топонимам с корнем **akmen-** в географическом плане).

[24] Если же **g** является здесь графическим вариантом **j** (как в **cugis**, ср. лит. **kújis**, слав. **kyjь**), то с прусским **suj-**, пожалуй, следовало бы сравнить гидроним **Суя**. Недавно было убедительно показано, что прусск. *suge* нужно понимать, как *sūjē* См. Eric P. Hamp, OPruss. Soye ,,rain", KZ 74, 1956, стр. 127—128. Форма *soye* отмечена в работе E. Hermann, Eine unbeachtete Überlieferung des preussischen Vokabulars Simon Grunaus, Göttingen, 1949.

[25] Однако здесь остается и возможность другого объяснения названия **Лукты**, правда, менее вероятного. См. M. Vasmer, указ. соч., стр. 21.

и препятствует во многих случаях установлению сколько-нибудь твердых критериев для различения балтийских и славянских названий. В самом деле, как. например, решить вопрос о языковой принадлежности названия реки **Ржать** (в Ржевском районе), когда даже старые названия **Ржева** (**Ржева, Ржова, Ржевка** и т.д.) или топонимы типа **Ржава, Ржавка** не могут дать ничего больше, чем предположить конечную форму ***rudi-** (>***rъž-**), которая в равной степени может быть балтийской и славянской? Точно так же упомянутый выше корень *gud-* известен не только в балтийских, но и в славянских языках (ср. с.-хорв. *Gacko* (*polje*) из **gud — ьsk*[26]). Игнорирование этото обстоятельства привело к тому, что К. Буга собрал немало топонимических названий, которые столь же легко объясняются с балтийской точки зрения, как и со славянской. В этом случае допущена серьезная методологическая погрешность, подобная той, которая имела бы место, если бы мы этимологизировали топонимику современной Литвы с праславянской точки зрения (чисто теоретически это было бы вполне возможно по отношению к значительному количеству названий).

Поэтому в заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть первостепенное значение вопроса о пределах возможного при определении балтийских элементов в русской топонимике.

[26] См. S. Rospond, Stratygrafia toponimiczna. — „Z polskich studiów slawistycznych", Warszawa, 1958, стр. 182.